

КОНСТАНТИН ДОЛГОВ

СЕРГЕЙ БОНДАРЧУК: ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ, ДОБРА И КРАСОТЫ

Моя жизнь сложилась таким образом, что занимаемые мною должности и проблемы философии, политики, истории, литературы, искусства, религии и культуры в целом, которыми я занимался, способствовали моим встречам с выдающимися людьми нашего времени. Среди этих многих встреч мне запомнились встречи и беседы с Сергеем Фёдоровичем Бондарчуком. Они были разными: случайными, краткими и длительными, а иной раз весьма серьёзными и глубокими.

Однажды Галина Долматовская позвала меня к себе в гости: она просила у меня консультации по итальянской литературе и кино. Когда я пришёл, то застал там наших знаменитых Сергея Аполлинарьевича Герасимова и его супругу Тамару Фёдоровну Макарову. Это меня одновременно обрадовало и озадачило: обрадовало, потому что встречи с такими людьми всегда необычайно интересны, а озадачило, потому что я понимал трудности и проблемы, которые неизбежны при таких встречах и беседах.

Увидев столь именитых гостей, я даже немного растерялся. Они, заметив моё смущение, сразу пригласили меня к столу, и С. А. Герасимов, с которым я был уже знаком, представил меня, сказав, что этот молодой человек – философ, и он за этим столом не будет лишним, а напротив, может кое-что уточнить и даже определить более точно, чем мы. Не знаю, о чём они беседовали до меня, но при мне Сергей Аполлинарьевич стал с лёгкой, но критической иронией обсуждать фильм “Война и мир” Сергея Бондарчука. Разумеется, все внимательно слушали то, что он говорил, поскольку более квалифицированно-го человека в кинематографе найти было трудно. А говорил он о том, что этот фильм в известной мере носит претенциозный характер как по своему грандиозному замыслу, так и по его осуществлению. С. Бондарчук вознамерился раскрыть такое содержание романа Л. Толстого, какого ещё никто не сумел осуществить ни в кинематографе, ни в литературе, ни в каком-либо другом виде искусства. Об этом свидетельствуют практически все батальные сцены этого фильма; вы не найдёте другого фильма с таким количеством участников, идёт ли речь о Бородинском сражении или о каких-то других грандиозных сценах, и мне кажется, – говорил Герасимов, – что Бондарчук здесь несколько “пересолил”. Конечно, эти сцены должны были быть грандиозными, но не до таких масштабов. Вот почему, – подчеркнул Герасимов, – эти преувеличения кажутся мне излишними. Если бы эти сцены были скромнее, то, по-моему, фильм от этого только бы выиграл.

В разговор вступили другие участники беседы. Так, А. В. Караганов поддержал мнение С. А. Герасимова и добавил, что эти грандиозные сцены не столько раскрывают глубину мысли и чувств Л. Толстого, сколько мешают их раскрытию. В беседу включились и женщины. Тамара Макарова обратила внимание на то, что в фильме недостаёт раскрытия удивительных женских характеров основных героинь романа – княжны Марьи и Наташи Ростовской. А Софья Григорьевна Караганова отметила недостаточную определённую и глубину основных особенностей мужских характеров, прежде всего, Андрея Болконского и, в известной мере, Пьера Безухова.

Я с огромным интересом слушал суждения уважаемых мною деятелей нашего искусства. Наконец, С. А. Герасимов внимательно посмотрел на меня: “А что Вы скажете, Константин Михайлович, об этом фильме Сергея Федоровича?” Я стал говорить о том, что не являюсь специалистом в области кино и могу высказывать своё мнение об этом фильме, равно как и о других, только как обыкновенный любитель кино. Я сказал, что этот фильм меня просто поразил, потряс до глубины души. Я знал, что Сергей Бондарчук – талантливый актёр и режиссёр, но даже не мог представить себе, что он талантлив до такой степени. По моему мнению, если бы все эти сцены были более скромными, то Сергею Фёдоровичу вряд ли удалось бы произвести столь ошеломляющее впечатление на миллионы зрителей, хотя фильм всё равно был бы серьёзным, значительным и талантливым. Что касается глубины раскрытия основных героев романа “Война и мир”, то здесь можно много и долго спорить – всё зависит от того, с какой точки зрения смотреть на процессы раскрытия духовного мира главных героев, с какой философской идеей следует подходить к генезису раскрытия их духовного мира, а значит, и их жизни и судьбы. Но поскольку я не специалист в области кино, – повторил я, – мне трудно с вами полемизировать, в чём-то я согласен, а в чём-то я опираюсь на свои взгляды и суждения об этом фильме.

В общем, эта встреча запомнилась мне на всю жизнь: где бы я ещё целый вечер слушал столь знаменитых представителей нашей литературы и кинематографа, да ещё к тому же учителей Сергея Фёдоровича Бондарчука, которые осторожно, лаконично и вместе с тем критически оценивали этот выдающийся фильм.

Возглавляя Всесоюзное агентство по авторским правам, я был избран членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям, где я, естественно, встречался со многими выдающимися представителями нашей литературы и искусства, в том числе и с Сергеем Фёдоровичем Бондарчуком.

Мне иногда казалось, что Сергей Фёдорович не очень любил заседания этого комитета, они не доставляли ему особого удовольствия, а, напротив, как-то тяготили, в чём-то мешали. Действительно, могу подтвердить, что выступления иной раз были слишком многословными и несущественными. И когда заседания подходили к концу, он, не дожидаясь, поднимался и уходил. А иногда во время перерыва он уединялся и сидел где-нибудь в сторонке одиноко, не глядя ни на кого, как бы целиком уходя в себя. В такие моменты я, набравшись смелости, подсаживался к нему и, извинившись, спрашивал, о чём он думает, почему он сидит в одиночестве. Однажды, помолчав, он мне ответил: “Слишком много дел и мыслей, Константин Михайлович, которые меня не просто тяготят, а не дают возможности нормально жить, дышать и работать”. От такого ответа я даже оторопел и заметил: “Вам ли обижаться на свою судьбу и своё положение! Ведь вам завидуют если не все, то очень многие деятели литературы и искусства, хотя я понимаю, что эта зависть порождает не самые лучшие чувства по отношению к вам. Например, на протяжении долгого времени я слышу критику в ваш адрес, критикуют самые знаменитые Ваши фильмы: и “Судьбу человека” и особенно “Войну и мир”. Я, например, от этих фильмов в восторге и не могу согласиться с той критикой, которая высказывается довольно уважаемыми деятелями нашего кинематографа и нашей культуры. Я не могу понять, в чём здесь дело”.

После некоторого молчания Сергей Фёдорович заметил, что во многом это порождается обыкновенной завистью его коллег, а также огромными замыслами и необычными для нашей жизни и нашего искусства масштабами их осуществления. “Я вкладываю в свои фильмы всего себя, – сказал он, – и физически, и духовно, и нравственно, и интеллектуально. Я ставлю перед собой, по существу, извечный вопрос: быть или не быть – или я создам настоящее

произведение искусства, или ему, а значит, и мне, не быть. Поэтому такие фильмы, как “Судьба человека” и особенно “Война и мир”, чуть-чуть не свели меня на тот свет.

Почему я взялся за экранизацию “Войны и мира” Л. Толстого? Да потому, что речь идёт о войне и мире, о жизни и смерти как отдельного человека, так и целых народов и, можно сказать, всего человечества. Отсюда всё остальное: и грандиозные батальные сцены и совершенно невероятные, умопомрачительные трюки с кинокамерой, и сцена смерти Андрея Болконского, и сражения огромных армий, уничтожающих друг друга... По существу, смысл романа “Война и мир” и моего фильма – это раскрытие самых глубоких, самых страшных, самых тревожных идей и мыслей о жизни и смерти. Недаром Лев Николаевич Толстой в своих дневниках постоянно ставил вопрос о том, есть смерть или нет смерти? если есть жизнь, то как она связана со смертью? если есть смерть, то что такое жизнь? и есть ли вечная жизнь или её нет, поскольку любая жизнь в этом мире завершается смертью... Как ответить на эти вопросы, что я должен и что я мог сказать миллионам зрителей? Вот почему я считал и считаю роман Л. Толстого “Война и мир” самым выдающимся романом, написанным когда-либо в истории человечества, и вот почему я вложил столько сил, чтобы выразить, может быть, далеко не полностью, а хотя бы частично эти самые глубокие, самые тревожащие душу человека мысли и идеи Толстого о жизни и смерти. После всего, что мне удалось пережить во время работы над этим фильмом, я удивляюсь тому, что я ещё жив.

В детстве я был крещён и верил в Бога, как все крестьянские дети, потом в разные периоды жизни я как-то отошёл от этой веры, но когда я читал и перечитывал роман Толстого и переживал физические и духовные волнения его героев, в особенности Пьера Безухова, я снова вернулся к тому, во что верил в детстве, – к вере в Бога – и поверил, кажется, так, как верил сам Лев Толстой. В этом смысле все его герои являются ключевыми для понимания проблемы соотношения жизни и смерти, но особенно важны такие герои, как Пьер Безухов и Андрей Болконский, ибо это целые миры, которые включают в себя все основные стороны личной, общественной, политической и религиозной жизни. Это живой, индивидуальный универсум, где таятся все загадки и разгадки, все проблемы человека и все их решения. Вопрос заключается только в том, в состоянии ли мы по-настоящему понять этот универсум и ответить на те вопросы, которые содержатся в нём. Вот почему, Константин Михайлович, Вы застаёте меня иногда в состоянии одиночества. Могу сказать, что при всей моей бешеной и сумасшедшей работе я очень часто бываю одинок, и это неудивительно, ибо, как только человек ставит перед собой проблему жизни и смерти, он тем самым обрекает себя на полное одиночество. Так, Лев Николаевич Толстой, несмотря на всю свою мировую славу, на любовь миллионов людей, был почти всегда одинок и даже умер, по сути, в самоизгнании и одиночестве. Удел людей, пытающихся понять и раскрыть смысл жизни и смерти, соотношение этих смыслов – это полное и абсолютное одиночество, как будто сама эта тема запрещена, и человеку не позволено не только заниматься её изучением и разгадкой, но даже нельзя её касаться. Теперь я думаю, что в этом содержится также и другой ответ на вопрос, почему мои коллеги критикуют мой фильм “Война и мир”: они чувствуют эту скрытую трагедию человека и человечества, содержащуюся в самом вопросе о соотношении жизни и смерти, хотя некоторые из них, как мне кажется, об этом даже не догадываются”.

Насколько я понял, Сергей Фёдорович говорил не об обычном одиночестве в повседневной жизни – как раз в этой жизни он был счастливым человеком: у него была прекрасная жена, красавица и талантливая актриса, они по-настоящему любили друг друга всю жизнь, у них была семья, которой завидовали, они zaloжили династию артистов, которая продолжает их дело. Он говорил о другом одиночестве – одиночестве на высотах мысли и духа, что во все эпохи доступно лишь немногим из людей, именно это одиночество тяготило и угнетало его.

После всего, что сказал Сергей Фёдорович, мы оба замолчали. Я молчал, поскольку был поражён столь сокровенными и глубоко философскими мыслями, а Бондарчук молчал, видимо, потому, что после всего сказанного у него не было сил что-либо ещё сказать или добавить. После пяти или десяти минут молчания он протянул мне руку, мы попрощались, и он сказал: “И мне,

и вам есть над чем подумать и поразмыслить”, — как-то слабо улыбнулся и ушёл.

И действительно, после этой встречи и беседы я долгое время не мог не думать о тех проблемах, которые были высказаны Сергеем Фёдоровичем в нашей беседе и, разумеется, в его гениальном фильме.

В одном из последних разговоров Сергей Бондарчук поведал мне о своих “кинематографических” мучениях: “Константин Михайлович, как я всё время мучился и днём, и ночью над тем, как выразить в образах кино размышления Пьера Безухова и Андрея Болконского над самыми разными, но в то же время наиболее существенными проблемами жизни. Вот, например, их разговор о начале войны с Наполеоном:

“Теперь война против Наполеона. Ежели б это была война за свободу, я бы понял, я бы первый поступил в военную службу; но помогать Англии и Австрии против величайшего человека в мире... Это нехорошо.

Князь Андрей только пожал плечами на детские речи Пьера. Он сделал вид, что на такие глупости нельзя отвечать; но действительно на этот наивный вопрос трудно было ответить что-нибудь другое, чем то, что ответил князь Андрей.

— Ежели бы все воевали только по своим убеждениям, войны бы не было, — сказал он.

— Это-то и было бы прекрасно, — сказал Пьер.

Князь Андрей усмехнулся.

— Очень может быть, что это было бы прекрасно, но этого никогда не будет...”

— Его можно, — говорил Бондарчук, — передать как диалог, но для фильма этого слишком мало. Необходимо, чтобы зритель почувствовал всё многообразие содержания этих высказываний и богатство эмоций при выражении этих идей.

Или ещё один пример. Как воплотить в художественных образах рассуждения Пьера Безухова и Андрея Болконского о справедливости и несправедливости, о смысле жизни, о том, ради чего должен жить человек, какой должна быть его жизнь, чтобы она не была пустым и бессмысленным прозябанием, а действительно приносила бы пользу и другим людям, и ему самому, чтобы человек никогда не совершал в жизни зла, а творил добро. На замечание Пьера: “Нет, убить человека нехорошо, несправедливо...” — следует рассуждение князя Андрея:

— Отчего же несправедливо? — повторил князь Андрей. — То, что справедливо и несправедливо — не дано судить людям. Люди вечно заблуждались и будут заблуждаться, и ни в чём больше, как в том, что они считают справедливым и несправедливым.

— Несправедливо то, что есть зло для другого человека, — сказал Пьер, с удовольствием чувствуя, что в первый раз со времени его приезда князь Андрей оживлялся и начинал говорить, и хотел высказать всё то, что сделало его таким, каким он был теперь.

— А кто тебе сказал, что такое зло для другого человека? — спросил он.

— Зло? Зло? — сказал Пьер. — Мы все знаем, что такое зло для себя.

— Да, мы знаем, но то зло, которое я знаю для себя, я не могу сделать другому человеку, — всё более и более оживляясь, говорил князь Андрей, видимо желая высказать Пьеру свой новый взгляд на вещи. Он говорил по-французски. — *Je ne connais dans la vie que deux maux bien réels: c'est le remord et la maladie. Il n'est de bien que l'absence de ces maux**. Жить для себя, избегая только этих двух зол, — вот вся моя мудрость теперь.

— А любовь к ближнему, а самопожертвование? — заговорил Пьер. — Нет, я с вами не могу согласиться! Жить только так, чтобы не делать зла, чтобы не раскаиваться, — этого мало. Я жил так, я жил для себя и погубил свою жизнь. И только теперь, когда я живу, по крайней мере, стараюсь (из скромности поправился Пьер) жить для других, только теперь я понял всё счастье жизни. Нет, я не соглашусь с вами, да и вы не думаете того, что вы говорите. — Князь Андрей молча глядел на Пьера и насмешливо улыбался”.

Или взять размышления Пьера о лжи, которую постоянно стремятся вы-

* Я знаю в жизни только два действительные несчастья: угрызение совести и болезнь. И счастье есть только отсутствие этих двух зол (фр.).

дать за истину. Как это передать в образах кино? “Все мы исповедуем христианский закон прощения обид и любви к ближнему – закон, вследствие которого мы воздвигли в Москве сорок сороков церковей, а вчера засекали кнутом бежавшего человека, и служитель того же самого закона любви и прощения, священник, давал целовать солдату крест перед казнью”. Так думал Пьер, и эта вся общая, всеми признаваемая ложь, как он ни привык к ней, как будто что-то новое, всякий раз изумляла его... Он испытывал несчастную способность многих, особенно русских людей – способность видеть и верить в возможность добра и правды и слишком ясно видеть зло и ложь жизни, для того чтобы быть в силах принимать в ней серьёзное участие. Всякая область труда, в глазах его, соединялась со злом и обманом. Чем он ни пробовал быть, за что он ни брался – зло и ложь отталкивали его и загораживали ему все пути деятельности”.

Или как можно выразить чувства и мысли князя Андрея перед смертью?

“Да, мне открылось новое счастье, неотъемлемое от человека, – думал он, лежа в полутёмной тихой избе и глядя вперёд лихорадочно-раскрытыми, остановившимися глазами. Счастье, находящееся вне материальных сил, вне материальных внешних влияний на человека, счастье одной души, счастье любви! Понять его может всякий человек, но сознать и предписать его мог только один Бог. Но как же Бог предписал этот закон?..

... Прежде он боялся конца. Он два раза испытал это страшное мучительное чувство страха смерти, конца, и теперь уже не понимал его.

Первый раз он испытал это чувство тогда, когда граната волчком вертелась перед ним и он смотрел на жнивье, на кусты, на небо и знал, что перед ним была смерть. Когда он очнулся после раны и в душе его, мгновенно, как бы освобождённый от удерживавшего его гнёта жизни, распустился этот цветок любви, вечной, свободной, не зависящей от этой жизни, он уже не боялся смерти и не думал о ней.

Чем больше он, в те часы страдальческого уединения и полубреда, которые он провёл после своей раны, вдумывался в новое, открытое ему начало вечной любви, тем более он, сам не чувствуя того, отрекался от земной жизни. Всё, всех любить, всегда жертвовать собой для любви, значило никого не любить, значило не жить этою земною жизнью. И чем больше он проникался этим началом любви, тем больше он отрекался от жизни и тем совершеннее уничтожал ту страшную преграду, которая без любви стоит между жизнью и смертью...

“Любовь? Что такое любовь? – думал он. – Любовь мешает смерти. Любовь есть жизнь. Всё, всё, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Всё есть, всё существует только потому, что я люблю. Всё связано одною ею. Любовь есть Бог, и умереть – значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику”...

“Да, это была смерть. Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение!” – вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята перед его душевным взором. Он почувствовал как бы освобождение прежде связанной в нём силы и ту странную лёгкость, которая с тех пор не оставляла его”.

– Константин Михайлович, Вы только представьте себе, как, каким образом можно в фильме показать зрителю всю глубину размышлений Андрея Болконского, умирающего от полученных в бою ран?”

Эти вопросы, которые ставил перед собой Сергей Бондарчук, действительно были невероятно трудны. Можно, конечно, было отделаться простым воспроизведением текста героями, но тогда этот фильм предстал бы простой иллюстрацией романа, а не образным выражением самых глубинных чувств и мыслей умирающего человека. Я тогда, кажется, понял мучения Сергея Бондарчука над воплощением пронзительных, потаённых и сокровенных мыслей Льва Толстого. Но каково было ему, известному и талантливому кинорежиссёру, выносить эти мучения на протяжении почти шести лет, которые он посвятил созданию своей работы?!

Вместе с тем мне невольно вспоминался его фильм “Судьба человека”, столь же талантливый и поразительный. В этом фильме только одна фраза, которую произносит мальчик-сирота: “Папка! Роденький! Я знал, я знал, что ты меня найдёшь!” – вырывающаяся из его уст, сердца и души, как крик, будто пронизывающий всё человечество, фраза, которая вопиет против

человеческого мира, относящегося самым бесчеловечным образом к невинному ребёнку, потерявшему родителей, не имеющему домашнего крова, скитающемуся в поисках куска хлеба и пытающемуся хоть как-то выжить, которая звучит как обвинение всему человечеству за его полное равнодушие к детям-сиротам и как призыв, мольба к тому, чтобы этого никогда и нигде не было, и как несказанная радость ребёнка, вдруг нашедшего своего отца, — одна эта фраза стоит многих повестей и фильмов, ибо она говорит о том, быть или не быть человечеству. Человечество может обойтись без многого: без лишней одежды, еды, без каких-то предметов обихода и т. д., но оно не может жить и выжить без детской улыбки, детского крика, детской радости. Поэтому человечество при любых условиях и обстоятельствах должно заботиться, прежде всего, о детях. Слова радости, которые выкрикнул мальчик-сирота, являются символом жизни или смерти человечества.

Сергей Фёдорович Бондарчук, человек, прошедший войну, видевший все ужасы, которые она принесла миллионам людей, испытавший на себе те невероятные усилия сердца и души, которые пришлось сконцентрировать всему народу, чтобы выдержать почти невыносимые испытания, человек, который выбрал профессию актёра, а затем режиссёра, чтобы в противовес злу, столь распространившемуся в настоящее время, утверждать в мире добро, правду, красоту и любовь, посвятил этому всю свою жизнь и творчество — именно в этом он видел основную цель и смысл своего бытия, не случайно его шедевры вызывали и вызывают огромный интерес у новых и новых поколений зрителей.

Мои встречи и беседы с Сергеем Фёдоровичем Бондарчуком не только запомнились на всю жизнь, но и стали в известной степени основным критерием при оценке тех или иных реальных событий и произведений философии, литературы, искусства и культуры, выражающих и отражающих сложную, противоречивую жизнь современного общества.